

Вырезка из газеты

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Харьков УССР

Газета №

Поучительные ошибки

О СОВЕТСКИХ ОПЕРЕТТАХ В РОСТОВСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

Что греха таить, немало советских оперетт написано с оглядкой на нехитрый канон развлекательных венских оперетт. Театру в таких случаях приходится серьезно дополнять своим творческим домыслом достаточно безликие фигуры.

Актеры ростовской музыкальной комедии отлично владеют венским жанром и умеют показать его сильную сторону — мелодичность, юмор положений, до предела использовать возможности каждого персонажа. Порой такое похвальное умение превращается у них в свою противоположность и сильно подводит театр. Чисто «венский» угол зрения искажает перспективу, мешает оценить по достоинству вещь в целом.

Постановка оперетты «Одиннадцать неизвестных» страдает отсутствием остроты. В работе режиссера В. Ленского, очень тщательной, изобилующей хорошими эпизодами, нет яркого столкновения двух миров. Талантливые актеры играют свои роли так, словно на сцене идет «Сильва» или «Голландочка». Б. Бенский показал Станислава Грымзу, англичанина польского происхождения, безобидно-комедийным персонажем, хотя он типичный бандит в одежде джентльмена, А. Сергиенко могла

бы сыграть английскую журналистку, более остро и зло. Она наделяет Ботти только иронией, не раскрывая ее лица человека с продажным пером. И. Постников нарисовал капитана советской футбольной команды в традиционном плане опереточного героя, что низводит Алексея Комарова до стандартного уровня.

Увидев в действующих лицах только привычные образы, артисты пошли по проторенному пути. Это, конечно, ошибка, довольно типичная для ростовчан. Гораздо хуже, однако, что венские очки приводят театр не только к односторонней трактовке персонажей, но и мешают ему правильно оценить пьесы, которые он ставит. Только так можно объяснить появление на сцене «Ошибки сердца». Соблазненный знакомыми положениями, театр принял к постановке порочную пьесу. Не задумываясь над итогом своей работы, он создал спектакль, в котором что ни фраза, то пошлятина, что ни фигура — то шарж.

Сюжет «Ошибки сердца», откровенно заимствованный из давно опустошенного арсенала, повествует о том, как некто полюбил актрису, и как на его пути к счастью стали клеветники. Поверив их наветам, ге-

рой отрется от любимой женщины. Он страдает от разочарования, она — от незаслуженного оскорбления. В финале, конечно, все разъясняется и герои бодро поют заключительную арию.

Если бы события разворачивались в той условно-опереточной стране, где для удобства драматургов в изобилии водятся прекрасодушные аристократы, милые, бойко танцующие простаки и молодящиеся старички, весь этот вздор бы заслуживал бы внимания; произведения такого сорта не испытываются на правдивость и добротность.

Бела, однако, в том, что трагические мольбы фигурки либреттист И. Стальский одел в костюмы советских людей. Некто стал у него демобилизованным майором, работающим ныне над восстановлением театра оперетты, разрушенного немцами. До войны архитектор восторгался талантом и добродетелями артистки Максимовой. Пройдя суровую школу боев, искушенный жизненным опытом, майор, словно малое дитя, верит глупой сплетне, которую выискивают ему клеветники. Изображая их, драматург, подливая ростовчан, дал волю своей фантазии. Люди советского театра превратились у него в обитателей диковиной кунсткамеры. Здесь не найдешь человека, сколько-нибудь достойного этого названия. Безликий режиссер, губящий театр; его жена — мастер скляки и бездарность, командующая коллективом; пьяница

и сплетник суфлер; безликие актеры...

Вглядываясь в обитателей этого театра, можно найти их прообразы. И. Стальский, в спешном порядке усваивая классическое наследие, своеобразно использовал персонажей пьесы А. Островского «Без вины виноватые». Знакомые лица фигурируют на сцене. В Грачеве можно увидеть черты Шмаги, в Пасхаловой — черты Коринкиной, в Максимовой — нечто от облика Кручинной. Автор забыл только свериться с календарем. Он не уяснил себе, что давным-давно отошел в прошлое старый театр, в котором щедроты мецената кормили актеров, а его склонности определяли репертуар. На советской сцене цветут иные таланты, и поклонники их ничем не напоминают либеральных бар. Стальский показывал советский театр так, словно в нем со времен Островского ничто не изменилось. По сути он идет даже дальше. Алкоголик и циник Шмага, изображенный Островским, любил театр, Грачев видит в нем только источник существования. Коринкина была несчастным созданием, ее происки являлись единственным средством к тому, чтобы удержаться на поверхности. Пасхалова интриганка по своей природе, тем самым она стократ хуже своего прообраза. Кручинкина несла в ватхлый театральный мирок великую правду искусства, Максимова

только хорошая актриса, не более того.

Пытаясь, насколько опасно переписать все образы, созданные великим драматургом, И. Стальский наделил свою пьеску новыми героями. Надо отдать автору должное: он остался верен себе и показал серию карикатур на советских людей.

Семен Табак — администратор театра, любит свою жену, бережет ее, а потому... не разрешает ей работать на сцене. Вдвойню интересна такая постановка вопроса: оказывается, что талантливая советская женщина не может посвятить себя любимому делу, если того не желает глава дома. С другой стороны, не следует поспешно обвинять хранителя традиций домостроя: кому как не администратору такого театра знать тамошние закулисные нравы. Что и говорить, тонкий ход у драматурга...

Что узрел коллектив в этой пошлой и клеветнической пьесе? Каково творческое самочувствие актеров, играющих пасквиле на самих себя? Жаль, что Г. Капаницын (режиссер), А. Сергиенко (Пасхалова), А. Аллегров (администратор), Е. Горбачева (Лиза), А. Аллов (Авetik), Л. Брянский (Грачев) вложили столько труда и стараний, чтобы придать вкусу этой отвратительной слякоти.

В «Ошибке сердца» с предельной очевидностью встают поучительные ошибки театра — следствие его некритического увлечения венщиной.

В. МОРСКОЙ.